

Д. Н. Разеев

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ
«КРИТИКИ
СПОСОБНОСТИ
СУЖДЕНИЯ»
КАНТА

На примере различия между первым и вторым вариантами «Введения» в «Критику способности суждения» Канта демонстрируется эпистемологическая значимость телеологического принципа, раскрытая Кантом для познания природы.

Through the difference between the first and the second variants of «The Introduction» to «The Critique of Judgement», the author shows the epistemological meaning of teleological principle revealed by Kant in the cognition of nature.

Ключевые слова: способность суждения, целесообразность, телеология, законодательство природы, эвристический принцип познания.

Key words: judgement, reasonability, teleology, legislation of nature, heuristic principle of cognition.

На примере работы Канта над текстом «Введения» к «Критике способности суждения» удастся установить, что если первоначально основной интерес для философа представляли эстетические суждения, то по мере проработки второй части сочинения он отдает приоритет суждениям телеологическим. Более того, интерес к телеологическому принципу в науке обуславливает, на наш взгляд, философские поиски Кёнигсбергского мыслителя в последние годы его жизни, свидетельство чему можно найти в посмертно опубликованном сочинении «Opus postumum» [3]. В чем же состоит существенное различие между первой [1] и второй [2] редакциями «Введения»? Изложим это различие тезисно, что поможет нам в дальнейшем разъяснении телеологического принципа как такового.

Из переписки Канта мы знаем, насколько серьезной оказалась та мыслительная работа, которая возникла благодаря интуиции автора, состоящей в том, что эстетические суждения выстраиваются не на произвольных субъективных принципах, а содержат в себе

некоторый элемент всеобщего. Первоначально Канта волновал этот элемент всеобщего в эстетических суждениях, более того, он был доминирующим. В этом контексте следует читать слова Канта из декабрьского письма 1787 г. к Рейнгольду о том, что он задумал написание нового сочинения под названием «Критика вкуса» [AA, X, S. 514]. Вместе с тем очевидно, что непосредственная разработка темы вносит существенные коррективы в первоначальный замысел автора. По мере вживания в тему Кант обнаруживает, что искомый им характер всеобщности имеют не только наши эстетические суждения, но и суждения телеологические. Это заставляет Канта задуматься над вопросом о том, одинаков ли принцип, лежащий в основе этих суждений. Он приходит к выводу, что как в эстетических, так и в телеологических суждениях принцип, действительно, один и тот же, а именно принцип целесообразности. Это прозрение даже заставляет автора поменять название для всего сочинения. Теперь оно называется не «Критика вкуса» (как изначально предполагалось), а «Критика способности суждения».

Однако на этом решительные изменения не заканчиваются. Перед тем как отдать в печать рукопись своего сочинения Кант решает скорректировать «Введение», которое, по-видимому, было написано автором до создания основного текста сочинения. После того как основной текст был закончен, автору стало очевидно, что во «Введении» расставлены несколько не те акценты, которые вытекают из написанного уже сочинения. Два месяца автор использует на то, чтобы переписать «Введение», а по сути дела, как можно убедиться, непосредственно ознакомившись с текстом обоих вариантов, написать его фактически заново.

Основное отличие между первой и второй редакциями «Введения» заключается в том, что первый вариант ориентирует читателя на то, что в основном тексте «Критики способности суждения» ведущим предметом анализа будут так называемые эстетические суждения, которые составляют целый (т.е. независимый) класс суждений наряду с классами суждений теоретических и практических. Вторая разновидность продуктов рефлектирующей способности суждения — а именно суждения телеологические — включается в «Критику способности суждения» скорее ради систематического единства. В первой редакции «Введения» Кант утверждает, что даже сам принцип, лежащий в основе таких суждений, не в собственном смысле самостоятельный, а значит, эти суждения и не в собственном смысле содержат ту всеобщность, ради прояснения которой было задумано все предприятие. Телеологические суждения оказываются аналогичными суждениям эстетическим, и только в случае последних принцип их вынесения полностью самостоятелен, а потому может носить статус принципа трансцендентального. Таким образом, результатом прочтения первого варианта «Введения» выступает следующее. Хотя эстетические и телеологические суждения основываются на одном и том же принципе (а именно принципе целесообразности), только эстетические суждения нуждаются в нем непосредственным образом, в них он проявляет полностью независимый трансцендентальный статус; в телеологических суждениях этот принцип используется нами не напрямую, а по аналогии, поскольку эти суждения выстраиваются нами аналогичным (в сравнении с эстетическими суждениями) образом. Иными словами, телеология природы есть не что иное, как *эстетизация природного законодательства*. В общем и целом читатель

«Критики способности суждения», подготовленный таким кантовским «Введением», ожидает, что ему предстоит иметь дело именно с сочинением по эстетике.

Совершенно иная установка рождается у читателя, если он знакомится со второй редакцией «Введения» к «Критике способности суждения». Ключевое для первой редакции (поэтому не случайно повторяющееся в тексте два раза) деление всех суждений на три класса — теоретические, эстетические и практические — полностью исчезает из второй редакции «Введения». Даже если судить по объему текста второй редакции «Введения», посвященного телеологической и эстетической способностям суждения, читатель ожидает, что центральной темой всего исследования станет именно телеология, поскольку автор уделяет ей основное внимание (на долю эстетической способности суждения выпадает лишь 10 страниц из 58, если ориентироваться на оригинальную пагинацию). Теперь Кант совершенно однозначно утверждает, что телеологические суждения руководствуются самостоятельным трансцендентальным принципом, который нельзя свести к другим нашим высшим познавательным способностям (ни к рассудку, ни к разуму). Имя этому принципу, как и прежде, — целесообразность природы. Общий смысл всего проекта явно был пересмотрен по окончании работы над сочинением, что находит свое отражение в тексте второй редакции «Введения». Согласно этому пересмотренному смыслу «Критика способности суждения» — это необходимое *систематическое* завершение всего критического проекта в целом, а сама способность суждения — это связующий элемент между законодательством природы и законодательством свободы. Поскольку эстетическая способность суждения оказывается не в состоянии выполнять такой связующей функции, то это выпадает на долю телеологической способности суждения.

Что же такое телеологический принцип по Канту? Для чего он им был введен? Остановимся на этом более подробно. В самом начале своего «Введения» (второй редакции) в «Критику способности суждения» Кант отчетливо ставит саму проблему: вся сфера философии может быть разделена на теоретическую и практическую. Соответственно, наша способность суждения может быть как теоретической, так и практической, в зависимости от того, в какой из вышеназванных сфер она применяется. Однако оказывается, что только такими двумя видами наша способность суждения не исчерпывается. Кант указывает, что имеются такого рода суждения, которые не могут быть признаны ни чисто теоретическими, ни чисто практическими. Этот дополнительный вид суждений Кант предлагает разобрать на примере наших суждений о природе.

Для Канта очевидно, что природа как таковая функционирует по трансцендентальным законам, которые задаются рассудком. Однако, сетует Кант в упоминаемом нами «Введении» в «Критику способности суждения», трансцендентальные законы вообще-то предполагают бесчисленное многообразие конкретных форм природы. Или, если выразить это иными словами, трансцендентальные законы не ограничивают многообразие форм природы ни в качественном, ни в количественном отношении. Вместе с тем фактически таких форм имеется ограниченное (конечное) количество. Этот парадокс подводит Канта к выводу о наличии не только трансцендентальных законов, но и, как он выражается, «системы эмпирических законов». Именно при рассмотрении данной проблемы получает значимость

способность суждения в ее дополнительном применении (как уже было сказано — ни чисто теоретическом, ни чисто практическом). Это дополнительное применение Кант и называет телеологическим применением способности суждения. Дело в том, что именно благодаря такому способу применения способности суждения мы оказываемся в состоянии высказать предположение о некоторой целесообразности, заложенной в природе (и выраженной в системе эмпирических законов), пусть такое предположение, обращает внимание Кант, и остается всего лишь субъективным предположением, поскольку при вынесении такого рода суждений о целесообразности природы мы не знаем и не можем знать об объективной, действительной цели природы.

Однако возникает вопрос о том, каков же статус такого рода суждений? Если такие суждения не суть чисто теоретические, то значит, что они не могут быть суждениями познания природы, с одной стороны, и если они не суть чисто практические, то они не могут быть и суждениями о законодательстве свободы, с другой стороны. Но чем же они тогда являются? Кант дает следующий ответ на этот вопрос: они являются неким «принципом для рассмотрения и исследования природы» [1, с. 108].

Акцентируем внимание на проблеме еще раз. То, что в результате исследований в «Критике чистого разума» [4] была установлена система трансцендентальных законов, которые предполагает природа и которые суть не что иное, как «законы, которые рассудок дал сам себе априори» (по выражению Канта), еще не означает того, что эмпирические законы функционирования природы также представляют собой именно законченную систему, а не бесконечное многообразие не связанных друг с другом положений. Иными словами, вопрос в том, может ли человек (способен ли он?) постигнуть все эмпирическое многообразие природы как систему, а не как агрегат? Ответ Канта заключается в том, что человек *вынужден* мыслить природу как систему, а не как агрегат. Возможность такого «вынужденного» мышления о единстве природы зиждется на некоем «*трансцендентальном предположении*», которое, как замечает Кант, осуществляется уже не нашим рассудком, но *самой* нашей способностью суждения. Более того, «это трансцендентальное предположение составляет трансцендентальный принцип способности суждения» [1, с. 113]. Принцип состоит — возможно, это покажется тавтологией — в способности нашей способности суждения найти для имеющегося у нас особенного нечто всеобщее. То есть по отношению к эмпирическим законам природы трансцендентальная способность суждения привносит принцип (корректнее — эмпирический принцип) единства их многообразия, который фактически не дан ни рассудком, ни разумом.

Таким образом, проблема для Канта заключалась не в том, чтобы объяснить, что законы природы подчиняются трансцендентальным условиям, задаваемым рассудком (поскольку это было уже показано в «Критике чистого разума»), но в том, чтобы объяснить, как соотносятся одни эмпирические законы природы с другими ее эмпирическими законами; как соотносится одно особенное с другим особенным и есть ли в этом соотношении что-то необходимое, что-то всеобщее, что-то единое для любого рассуждающего об этом субъекта?

Подходить к решению этой проблемы Кант начинает с прояснения того, что способность суждения в случае ее применения к всеобщим законам

природы действует схематическим образом, т.е. выступает *определяющей* способностью суждения. И только когда речь идет о законах эмпирических (не о всеобщих, а особенных), тогда способность суждения может действовать так называемым *рефлектирующим* образом. Однако действие ее было бы полностью слепо, если бы при таком рефлектирующем движении она не руководствовалась вообще никаким принципом. Кант намеревался обнаружить такой трансцендентальный принцип рефлектирующей способности суждения. Дословно, Кант утверждает, что «способность суждения нуждается в отличительном, также трансцендентальном принципе своей рефлексии» [1, с. 116]. В чем же заключается этот трансцендентальный принцип рефлектирующей способности суждения по отношению к предметам природы? Он состоит в том, что природа на эмпирическом уровне (т.е. на уровне своих эмпирических законов) проявляет своего рода рациональность, которая доступна нашему (человеческому) ее постижению. При описании этой рациональности природы Кант употребляет довольно примечательный термин, говоря о «бережливости» природы: *Sparsamkeit* – в русском переводе «экономность». Эта самая «бережливость» в некотором смысле и выступает трансцендентальным принципом, а вернее сказать, трансцендентальным предположением способности суждения, которым она руководствуется в своей рефлексии относительно предметов природы. Выражаясь более академично, природа на эмпирическом уровне (на уровне своих эмпирических законов) может быть постижима нами, что предполагает, что она как бы рассчитана на наше (человеческое) ее восприятие.

Интенция Канта – показать, что из одного лишь опыта не вытекает не только трансцендентальное законодательство природы (это было продемонстрировано в «Критике чистого разума»), но и эмпирическое. Подтверждение этому – целесообразность природы, которая присуща не самой природе, но нашей способности суждения рефлектировать о законах природы; речь идет об особом принципе способности суждения, «который предшествует эмпирическим законам и один только дает возможность довести их согласованность до единства системы» [1, с. 149]. Все это означает, что при исследовании природы на эмпирическом уровне мы не только каузально объясняем ее действительность, но и выносим суждения о ее целесообразности. При этом, подчеркивает Кант, статус таких суждений будет познавательным.

До написания «Критики способности суждения» Кант, по-видимому, не предусматривал для способности суждения иной функции, нежели функция определения; и то, что способность суждения может быть рефлектирующей, – это, вне всякого сомнения, позднее открытие Канта. Вместе с тем, с другой стороны, указанное деление способности суждения было обусловлено и, так сказать, предметными соображениями, которые носили, как выразились бы мы сегодня, явный философско-научный, или эпистемологический, характер. Кант усмотрел проблему в том, что на эмпирическом уровне изучения природы мы сталкиваемся с рядом закономерностей или законов, для которых у нас не существует такого единого всеобщего положения, к которому их все можно было бы свести. Это значит, что при построении эмпирических законов (в частности, при установлении их соотношения друг с другом) мы руководствуемся какими-то иными принципами, нежели принципами, задаваемыми нам рассудком. Благодаря определяющей способности суждения я могу подвести конкретный эмпириче-

ский закон под всеобщее правило на трансцендентальном уровне. Однако определяющая способность суждения не в состоянии помочь мне, когда нужно соотнести один эмпирический закон с имеющимися другими законами. Вот о чем говорит Кант. Считать все это лишь пустыми домыслами престарелого философа не стоит, ведь даже сегодня, к примеру, физики не избавлены от указанной проблемы, потому что действительно не в состоянии доказательно объяснить соотношение друг с другом всех основополагающих сил Вселенной. Кант при размышлении о проблеме эмпирических законов природы вводит аргумент от «единства многообразного в природе», благодаря которому, как уже было подчеркнuto, мы воспринимаем природу не как агрегат, но как систему, что и выступает продуктом рефлектирующей способности суждения. Только предполагая единство многообразного в природе, мы в состоянии объяснить субординацию эмпирических законов по отношению друг к другу. Кант подчеркивает, что мы не можем заимствовать этот принцип из самой природы, более того, поскольку речь идет не о трансцендентальном принципе рассудка, то мы также не можем и предписывать этот принцип природе. Все, что мы делаем, так это предписываем самим же себе правило рассуждения о природе только в соответствии с таким принципом, — вот вывод Канта. Таким образом, этот принцип способность суждения предписывает самой себе. Кант называет его трансцендентальным принципом рефлектирующей способности суждения.

Заявив о наличии у рефлектирующей способности суждения собственного (при этом трансцендентального) принципа, который она предписывает самой же себе при рассмотрении законов природы, Кант ищет теперь адекватное наименование для такого принципа. И он вновь апеллирует здесь к своему аргументу единства многообразного в природе. Попробуем реконструировать мысль Канта, в известной степени отклонившись от буквального прочтения его слов. Если бы существовал такой рассудок, который задавал бы природе единство во всех ее эмпирических проявлениях, то тогда понятия, содержащиеся в таком рассудке, были бы не чем иным, как целями, которые бы природа развертывала на эмпирическом уровне. Сам процесс реализации таких целей можно было бы назвать объективной (лучше даже сказать, реальной) целесообразностью природы. Однако поскольку подтвердить или опровергнуть наличие такого рассудка не представляется возможным, то нам не остается ничего другого, кроме как, воздержавшись от обсуждения вопроса о происхождении единства многообразного в природе (то есть единства природы в ее эмпирических законах), рассуждать о ней так, как если бы такая причина (единства природы в ее эмпирических проявлениях) действительно существовала. В таком случае мы и будем руководствоваться *формальной* целесообразностью природы. Иными словами, мы будем *по форме* рассуждать о природе как о целесообразной.

Это требует еще одного, дополнительного, прояснения. Из «Критики чистого разума», напомним, следует однозначный вывод о том, что в формальном отношении (то есть *по форме*) природа дается нам в пространстве и времени (как чистых формах созерцания) и мыслится нами в категориях (как чистых формах рассудка). О какой же форме говорит Кант теперь? Важно подчеркнуть, что в «Критике способности суждения» Кант ведет речь не о форме созерцания или мышления природы, а о форме рассужде-

ния (причем только одного его вида — рефлексивного) о природе. Иными словами, мы предписываем самим себе форму нашего же рассуждения о природе: если угодно, то предписываем себе то, как в формальном отношении следует выстраивать наши суждения о природе, когда речь заходит о ее эмпирических законах. Такая особенная форма рассуждения о природе и называется Кантом телеологическим суждением, то есть суждением о целесообразности природы.

Вместе с тем возникает вопрос о статусе такого трансцендентального принципа способности суждения (принципа целесообразности природы). Можем ли мы, задаваясь вопросом Кант, осознать необходимость «допустить его как трансцендентальный принцип познания (курсив наш. — Д.Р.)» [2, с. 55]? Вся грандиозность поставленного вопроса становится очевидной, если привести еще одну (довольно обширную) цитату из пятой части второй редакции «Введения», которая в известном смысле может рассматриваться как программное заявление Канта о характере его будущей философской работы, а также проливает свет на непосредственную связь «Критики способности суждения» с задуманным, но так и не написанным до конца последним сочинением кёнигсбергского мыслителя, получившим впоследствии наименование «Opus postumum». Позволим себе привести эту цитату ввиду ее исключительной важности полностью:

...Следует представить себе серьезность задачи: получить из данных восприятий природы, содержащей бесконечное многообразие эмпирических законов, связанный опыт; эта задача априорно включена в наш рассудок. Правда, рассудок априорно владеет общими законами природы, без которых она вообще не могла бы быть предметом опыта, однако сверх этого ему нужен еще известный порядок в природе, в ее частных правилах, узнать которые он может лишь эмпирически и которые для него случайны. Эти правила, без которых не было бы продвижения от общей аналогии возможного опыта вообще к частному опыту, рассудок должен мыслить как законы (то есть как необходимые), — ибо в противном случае они не составляли бы порядка природы, — хотя он не познает и никогда не сможет постигнуть их. Поэтому, несмотря на то, что рассудок в отношении этих объектов ничего не может априорно определить, он все-таки должен следовать так называемым эмпирическим законам и положить в основу своей рефлексии априорный принцип, а именно, что по этим законам возможен познаваемый порядок в природе; и этот принцип выражают следующие положения: что в природе существует постижимая для нас иерархия родов и видов; что они приближаются друг к другу по общему принципу, дабы был возможен переход от одного к другому, а тем более к высшему роду; что хотя нашему рассудку сначала представляется неизбежным принять для специфического различия действий природы столько же видов каузальности, они все-таки могут подчиняться небольшому числу принципов, обнаружением которых мы должны заниматься, и т.д. Это соответствие природы нашей познавательной способности априорно предпосылается способностью суждения для ее рефлексии о природе по ее эмпирическим законам, тогда как рассудок объективно признает это соответствие случайным; только способность суждения приписывает это соответствие природе как трансцендентальную целесообразность (по отношению к познавательной способности субъекта); без такой предпосылки мы не имели бы порядка в природе по эмпирическим законам и, следовательно, не имели бы путеводной нити для того, чтобы с помощью этих законов ставить опыт сообразно всему многообразию природы и для его исследования [2, с. 55–56].

Итак, приведенные слова Канта свидетельствуют о том, что без трансцендентального принципа целесообразности мы вообще не могли бы заниматься познанием эмпирических законов природы. А это означает, что мы вынуждены признать принцип целесообразности трансцендентальным, т.е. принципом, имеющим эпистемологическое значение. Теперь Кант ведет речь о том, что человеческое познание природы в ее эмпирическом многообразии было бы по сути дела невозможным, если бы при этом мы не руководствовались телеологическим принципом способности суждения. Результатом познания без следования такому принципу всегда была бы бесконечная цепь случайностей. Каждый новый шаг оставался бы изначально обреченным на шаг в никуда, шаг вхолостую, шаг, смысл для совершения которого невозможно обосновать. Таким образом, телеологический принцип способности суждения обретает для Канта явную эпистемологическую ценность. Какой именно вклад вносит этот принцип в познание? Кант дает совершенно однозначный ответ на этот вопрос. Телеологический принцип способности суждения (т.е. принцип целесообразности природы, принцип самозаконодательства способности суждения, в конце концов, принцип геавтономии) дает нам важнейший закон познания природы, который Кант называет «законом спецификации природы» [2, с. 56]. Подчеркнем еще раз, человек не открывает этот закон в природе и точно так же не предписывает природе этот закон, но предписывает его своему познанию природы. Речь идет, если угодно, об эпистемологической установке ученого: не о *самом* законе природы, но о законе *познания* природы.

Список литературы

1. Кант И. Первое введение в Критику способности суждения // Собр. соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 99–159.
2. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. С. 41–69.
3. Кант И. Из рукописного наследия. М., 2000.
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.

Об авторе

Разеев Данил Николаевич — канд. филос. наук, зам. декана по научной работе философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, razeev@philosophy.pu.ru

About the Author

Dr. Daniil Razeev, vice dean for research, Faculty of Philosophy, Saint Petersburg State University, razeev@philosophy.pu.ru

Б. Дёрфлингер

ИИСУС
В ТРАКТОВКЕ КАНТА

Рассматривается соотношение исторического христианства и чистой религии разума, фигура библейского Иисуса из Назарета и кантовская трактовка его личности. Основное внимание уделяется вопросу о том, является ли библейский Иисус как реальное историческое лицо персонификацией идеи абсолютного добра и морального совершенства.

This article considers the correlation between the historical Christianity and the pure religion of reason, the figure of the biblical Christ of Nazareth and Kant's interpretation of his personality. The author focuses on the question, whether the Biblical Christ, as a real historical person, is the personification of the idea of the absolute good and moral perfection.

Ключевые слова: мораль, религия разума, автономия морали, категорический императив, моральное учение, чистый практический разум, Бог, Иисус.

Key words: morals, religion of reason, autonomy of morals, categorical imperative, moral teaching, pure practical reason, God, Jesus.

Лишь религия разума, согласно Канту, адекватным образом выполняет «великое требование истинной церкви», которое заключается в «притязании на всеобщность» или «значимости для каждого» [1, с. 168], так как она как моральная религия не содержит ничего другого, кроме учения об универсальной морали. Что делает ее религией? То, что она преподносит моральные законы как божественные. При этом мысль о Боге как законодателе морали не противоречит автономии морали, так как Бог здесь — привносимая, производная идея, предполагающая наличие данной автономии. Что касается обоснования морали, то человек сам, без помощи какого-либо высшего существа, просто в силу своего собственного чистого практического разума [1, с. 5] признает действительными моральные императивы, которые являются законами самопринуждения. Но если